

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-28-41

EDN: ZKJIVK

Научная статья / Research article

Внутриязыковая диглоссия как особенный вид народного билингвизма на примере лехитских языков

Я. Кобылко

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ kobylko-ya@rudn.ru

Аннотация. На примере лехитских языков, сосуществующих на территории Польши, а именно: государственного польского языка и региональных языков (кашубский, силезский) — предлагается рассмотреть уникальное сплетение классической формы народного билингвизма — внутриязыковую диглоссию. В настоящее время наблюдается размытие границы между толкованием многочисленных разновидностей билингвизма и их синонимичных понятий, в том числе диглоссии и внутриязыковой диглоссии — в исследовании поставлена задача уточнить их принципиальные отличия. Анализируется история научных исследований в области языковых и культурных взаимодействий между лехитскими этносами, рассматриваются фонетические и грамматические сходства и различия языков, а также многовековое единство социальности лехитов. Описывается взаимодействие разновидностей национального языка, когда язык государственный, с одной стороны доминирует над языками региональными, что в итоге может привести к их исчезновению, а с другой стороны, из-за эволюционной близости этих языков способствовать их сохранению. На примере кашубского регионального языка, распространенного в северной части Польши, используемого совместно с государственным польским языком, определяются внутриязыковые особенности этих языков, а также подчеркивается важность экстралингвильного подхода для становления этнолектов. Вслед за этим делается вывод, что в случае несбалансированного двуязычия отождествленные структуры языковой пары, а также развитие регионализма и культур этических групп способствуют сохранению неофициальных языков.

Ключевые слова: внутриязыковая диглоссия, лехиты, лехитские языки, польский язык, кашубский региональный язык, силезский диалект, этнолект

История статьи: поступила в редакцию 06.12.2023; принята к печати 08.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кобылко Я. Внутриязыковая диглоссия как особенный вид народного билингвизма на примере лехитских языков // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 28–41. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-28-41>

Intra-linguistic Diglossia as a Special Kind of Folk Bilingualism on the Example of the Lechitic Languages

Jaroslav Kobyлко

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ kobyлко-ya@rudn.ru

Abstract. The interaction of several varieties of the same national language may, on the one hand, affect the dominance of the state language over ethnolects, which may eventually lead to their disappearance, and on the other hand, due to the evolutionary linguistic and cultural proximity, contribute to their preservation. The purpose of the study is to consider the form of existence of subsystems of the national language, namely languages characterized by limited territory and spheres of use and the official language. The Lechitic language community reflects a special kind of multilingualism — diglossia, this is the hypothesis of the study. The study analyzes the history of scientific research in the field of linguistic and cultural interactions between the Lechite ethnoses, examines phonetic and grammatical similarities and differences of languages, as well as the centuries-old unity of the sociality of the Lechites. Using the example of the Kashubian regional language, common in the northern part of Poland, used in conjunction with the state Polish language, the intra-linguistic features of the Lechitic languages are determined, and the importance of the extralingual approach for the of unofficial languages is emphasized. It is concluded that in the case of unbalanced bilingualism, the identified structures of the language pair, as well as the development of regionalism and cultures of ethnic groups contribute to the preservation of unofficial languages.

Key words: diglossia, Lechites, Lechitic language, Polish language, Kashubian regional language, Silesian language, ethnolect

Article history: received 06.12.2023; accepted 08.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Kobyлко, J. 2024. “Intra-linguistic diglossia as a special kind of folk bilingualism on the example of the Lechitic languages.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 28–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-28-41>

Введение

Преобладание в мире людей, говорящих на двух или более языках, требует постоянных исследований (лингвистических, психологических, этнографических и др.) в области множества разновидностей билингвизма (активный, пассивный, горизонтальный, вертикальный, аддитивный и т.п.) в зависимости от целей и причин функционирования двуязычия, межязыковых и межэтнических отношений народов, а также лингвистических связей между языками или диалектами, на которых билингв разговаривает.

В современном мире наиболее актуально двуязычие, формирующееся у индивида в результате изучения иностранного языка, в таком случае иной будет цель использования второго языка, а затем и формирование такого би-

лингвизма, например, в целях осуществления профессиональной деятельности в неязыковой среде (билингвизм дистанционный) или в новом языковом сообществе (билингвизм контактный). В контексте контактного билингвизма возможна даже замена первого языка новым вторым языком — билингвизм субтрактивный.

Процессы, происходящие во втором языке, взаимосвязаны с процессами, происходящими в родном языке, и с пространственным, территориальным функционированием обоих языков. Для многих стран характерно изучение и дальнейшее использование индивидами официального языка и других, порой даже разных по происхождению и типологическому строю, языков. В таком случае возникает необходимость, в зависимости от степени родственности или неродственности, рассмотрения нетождественностей в системных структурах языковой пары [1; 2]. Исследование О.В. Валентиновой и М.А. Рыбакова [3] в области фонетических и грамматических черт флективных и агглютинативных языков указало на некую проблему в преподавании языка в полиэтнической среде, которая заключается в том, что взгляд на грамматику как на уровень языка, который строится по универсальным правилам, различается лишь оформлением категорий и способов синтаксической связи. «В свете такого подхода формирование билингвизма представляется как наложение новой кодовой системы на уже существующую с установлением прямых соответствий знаков одной системы знакам другой» [3. С. 132]. В контексте языков, разных по происхождению необходимо понимание не только формальных правил, но и содержания грамматик каждого из них [3; 4].

В иных условиях формируется двуязычие в ситуации, не требующей специального изучения второго языка (регионального, этнического, диалекта и т.п.), который взаимодействует и находится на стыке с нормативным языком (*билингвизм диагональный*).

Целью исследования является уточнение принципиальных отличий между классической формой народного билингвизма — диглоссии и уникальным её сплетением — внутриязыковой диглоссии, в рамках которой на примере лехитских языков, а именно государственного польского языка и регионального кашубского языка, представлено их сосуществование на территории Польши.

Обсуждение

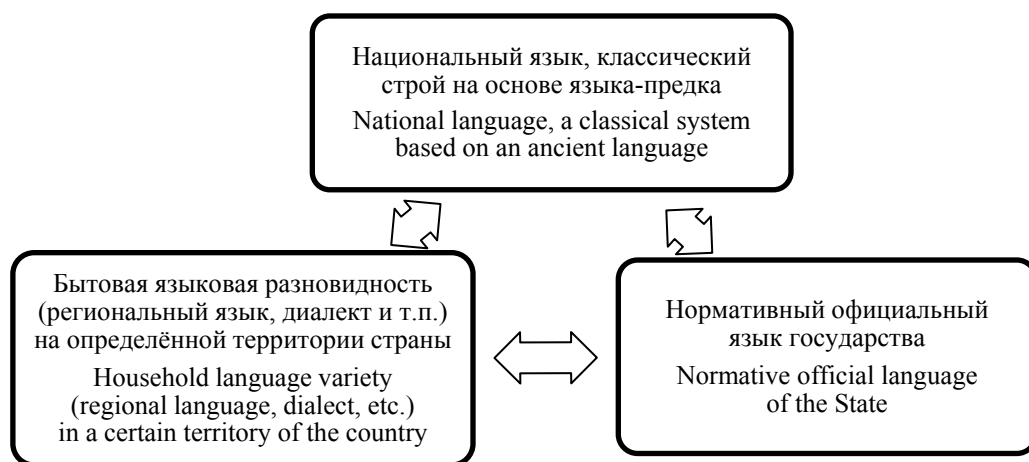
Особое сплетение классической формы билингвизма, которое впервые в 1959 году описал Ч. Фергюсон [5] под термином *диглоссия* — «функциональная иерархия подсистем одного и того же языка» [6. С. 101]. В словаре терминов межкультурной коммуникации 2013 года данный термин дополняется следующими значениями: «...языковая ситуация, характеризующаяся существованием двух диалектов в языке; взаимодействие двух сосуществу-

ющих разновидностей одного и того же языка (А.Д. Швейцер, 1983) относится к цитате из Словаря [6. С. 101]. Примером диглоссии может служить сосуществование на Руси в XI–XVI веках церковнославянского и древнерусского языков (т.е. нестандартных форм национального языка. — *Прим. Я.К.*), тж. билингвизм диагональный» [6. С. 101].

Более узким толкованием диглоссии является *внутриязыковая диглоссия* — «языковая ситуация, характеризующаяся существованием разновидностей подсистем национального языка, которые имеют своих носителей, т.е. совокупности говорящих, владеющих только данной подсистемой национального языка, тж. диалект территориальный; просторечие» [6. С. 101].

Синонимичным термином внутриязыковой диглоссии является *территориальный диалект* — «форма существования языка, характеризующаяся ограниченностью территории, сфер употребления (используется в основном в бытовой сфере) и противопоставленная другим диалектам и литературному языку» [6. С. 99].

Внутриязыковую диглоссию предлагаем отразить схемой, представленной на рис. 1.

Рис. 1. Внутриязыковая диглоссия
Источник: составлено автором
Figure 1. Intralanguage diglossia
Source: made by the author

Несмотря на тонкую грань между толкованием *диглоссии* и *внутриязыковой диглоссии*, различие между ними, на наш взгляд, существенное. Диглоссии характерно территориально неограниченное распространение нестандартных форм языка среди носителей, например, старо- и церковнославянский внутри национального — древнерусского языка. Внутриязыковая диглоссия характеризуется функционированием подсистем, например, диалектов в системе национального языка на определенной территории страны.

Следует обратить внимание на то, что сосуществование на одной территории страны государственного языка и другого близкородственного ему языка демонстрирует снижение числа носителей второго, что в ближайшем или отдаленном будущем может привести к их исчезновению. В иных условиях, учитывая, что такие языковые пары являются разновидностью одной и той же подсистемы национального языка (сильная языковая близость), в силу внеязыковых влияний (например, становления регионализма), юридически этнолекты могут доводиться до уровня языка, что в свою очередь способствует их сохранению.

В Польше выделяются две двуязычные области (воеводства), в которых проживают носители государственного польского языка и других близкородственных польскому языков — кашубского на севере и силезского на юго-западе страны.

Польский язык, как кашубский, а также силезский и два вымерших языка — исчезнувший в XVIII веке полабский и вымерший в XX веке словинский, относится к лехитской подгруппе западнославянской ветви праиндоевропейского периода (рис. 2).

Языком, на примере которого постараемся показать особенности внутриязыковой диглоссии в лехитских языках, является кашубский язык, используемый западнославянской этнической группой — кашубами, живущими на севере Польши в Поморском воеводстве. По данным переписи населения 2011 года, кашубским языком пользуется около 108 тысяч населения, что ставит его на второе место (после силезского, около 529 тыс.) среди негосударственных языков⁴. Кашубский включен в «Атлас языков мира, находящийся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО.

С точки зрения лингвистики (К. Дейна, К. Нич, З. Штибер и др.), в отношении регионального кашубского языка возникает типовая языковедческая проблема «язык или диалект», связанная с определением статуса кашубского как диалектной разновидности польского языка или как самостоятельного регионального языка. Тем не менее с принятием польского закона от 6 января 2005 года о национальных меньшинствах и этнических группах юридически кашубский стал языком региональным. Согласно Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (документ утвержден в 1992 году в рамках Совета Европы для защиты и продвижения региональных языков и языков национальных меньшинств в Европе), региональный язык — язык, традиционно используемый в государстве меньшинством граждан, который является отличным от общепринятого официального языка и не является ни диалектом официального языка этого государства, ни языком мигрантов.

---

⁴ Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Główny Urząd Statystyczny. URL: <https://stat.gov.pl/spisy-powszechnie/narodowe-spisy-powszechnie> (accessed: 25.11.2023).

Польский язык / Polish language

- Силезский диалект / Silesian dialect
- Великопольский диалект / Greater Poland dialect
- Мазовецкий диалект / Masovian dialect
- Малопольский диалект / Lesser Poland dialect
- Новые смешанные диалекты / New mixed dialects
- Периферийные диалекты / Peripheral dialects
- Кашубский язык / Kashubian language

Цифрами обозначены ареалы вымерших лехитских языков и диалектов / The numbers indicate the areas of extinct Lechitic languages and dialects:
 1. Полабский язык / Polabian language;
 2. Словинский язык (или диалект) / Slovinian language (or dialect)

Рис. 2. Лехитские языки и диалекты

Источник: Карта размещения лехитских языков, включая диалекты польского языка [18]

Figure 2. Lechite languages and dialects

Source: Map of the location of the Lechite languages, including dialects of the Polish language [18]

Феномен кашубского, как самостоятельного регионального языка, скорее всего, связан не с лингвистическими расхождениями кашубского и польского, а с процессом становления регионализма — развитием кашубской литературы, изданием религиозной литературы и использованием кашубского в церкви, появлением кашубских региональных организаций и т.д. [7]. Включение кашубского языка в школьную программу стало немаловажным аспектом в сохранении и развитии этого языка. С 2005 года по кашубскому языку факультативно сдаётся экзамен на аттестат зрелости. В институте польской филологии Гданьского университета открыта специальность «Этнофилология кашубска», на которой изучается кашубский язык и кашубская культура.

В рамках параллельного использования в различных функциональных сферах на определенной территории одного государства регионального языка или диалекта и официального языка существует ситуация несбалансированного двуязычия — в нашем случае исторически, генетически и структурно близких языков. На некоторых симптоматичных примерах рассмотрим формально лингвистические и культурологические особенности польско-кашубского билингвизма.

Лехитские языки (польский, кашубский, силезский, два вымерших — полабский и словинский) в сравнении с другими славянскими языками характеризуются некоторыми архаичными фонетическими особенностями, как, например:

- сохранение праславянских носовых гласных «ę» (польск. ja będę / русс. я буду), а также «ą» (польск. oni będą / русс. они будут);
- унаследование «з» (звук «dz») образованного от *dj и *g, смягченного во второй палатализации (польск. dzwon / русс. звон);
- сохранение архаичных сочетаний согласных «tl», «dl» (польск. mydło / русс. мыло);
- отсутствие изменения «g» в «y» (звук «h»);
- чередование поздних праславянских мягких вокальных согласных *ř, *ṛ̌ в похожих позициях;
- чередование вокальных согласных *ř, *ṛ̌, *ṛ̌, *ṛ̣̌ в последовательность гласного и плавного гласного и др. [8].

С точки зрения типологии, лехитским языкам присущ флективный строй, а в предложении преобладает порядок слов: субъект стоит перед предикатом, а объект — в конце предложения (тип порядка слов SVO — Subject Verb Object). Такая близость польского и кашубского в области морфологии и синтаксиса не нарушает системно-структурной формы языков, которая является крайне редко меняющимся скелетом для языков. Что касается более «гибких» уровней языковой системы (например, лексического уровня), то владение этническими группами (кашубами, силезцами) государственным, близкородственным польским языком и их непрерывные культурные, религиозные контакты делают эту область языка общевоспринимаемой.

Тем не менее дифференциация кашубского произошла по ряду эволюционных языковых явлений у лехитов (поляков, кашубов, силезцев, полабов и словинцев): поморский («среднелехитский») кашубский отличается от восточнолехитского польского языка и сближается с поморским словинским идиомом (вымершим в XX веке) и с западнолехитским полабским языком (вымершим в XVIII веке) [9. С. 417]. Кашубский также находился под влиянием нижненемецкого языка западногерманской группы и прусского языка балтийской группы языков [10. С. 49].

Исследователем фольклора и кашубского языка является Флориан Ценова, который, по причине невозможности передавать фонетические осо-

бенности кашубского языка общенациональным алфавитом, в 1850 году предложил уникальный алфавит и таким образом решил проблемы, возникающие при переносе кашубской устной речи в письменную. Современный кашубский алфавит состоит из 34 букв: Aa; Aą; Āã; Bb; Cc; Dd; Ee; Éé; Ęë; Ff; Gg; Hh; Ii; Jj; Kk; Ll; Łł; Mm; Nn; Ńń; Oo; Òò; Óó; Ôô; Pp; Rr; Ss; Tt; Uu; Ùù; Ww; Yy; Zz; Żż [11].

Среди вышеуказанных в польском языке не выступают буквы, которые указывают на звуки:

- ā — носовой «а», отличный от уже упомянутого общелехитского носового звука «ą»;
- é — звук между польским твёрдым «е» а «І»;
- ë — между польским твёрдым «е» і «а»;
- ò — лабиализованный «ѐ» наподобие польского «le»;
- ù — лабиализованный «џи» наподобие польского «ly»;
- ô — в зависимости от говора «lu» или «li».

Кроме того, отличные от польского фонемы «cz», «sz», «ż», «dź» в кашубском произносятся мягче «ć», «ś», «ź», «dź».

Исследования Ф. Ценовы о близости кашубского и русского (например, в области подвижного ударения в некоторых кашубских говорах) подтолкнули его к совместным экспедициям с российским славяноведом Александром Федоровичем Гильфердингом по селениям субэтнических групп кашубов. В результате появилось всеобъемлющее описание кашубщины в книге А.Ф. Гильфердинга «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» (СПб., 1862). Фрагмент из книги (рис. 3).

Книга А.Ф. Гильфердинга содержит словарь с кашубскими и словинскими словами, очерк этнографии кашубов и их языка, примеры наречий этих народностей.

Автор в своих трудах указал на индивидуальный характер кашубской этнической группы и изложил первые данные о диапазоне кашубских диалектов.

Кашубы делятся на множество этнографических подгрупп, разнообразных как культурно, так и лингвистически (рис. 4):

- польск. Kaszubi różnosni — кашуб. Bělôcë;
- польск. Gochy — кашуб. Gôchë;
- польск. Józcy или Mucnicy — Jôzcë или Mùcnicë;
- польск. Krubanie — кашуб. Krëbane;
- польск. Lesacy — кашуб. Lesôcë;
- польск. Morzanie — кашуб. Mòrzanie;
- польск. Rybaki — кашуб. Rëbôcë;
- польск. Borowiacy Tucholscy — кашуб. Borowiany, Tuchòłki;
- польск. Zaboracy — кашуб. Zabòrôcë.

ОСТАТКИ СЛАВЯН

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ БАЛТИЙСКАГО МОРЯ.

На южномъ берегу Балтійскаго моря ⁽¹⁾, на западъ отъ низовьевъ Вислы, сохранились до сихъ поръ поселенія Славянъ. Это послѣдніе остатки нѣкогда великаго и славнаго народа, который въ теченіе многихъ столѣтій отстаивалъ свою народную независимость и свое непокорное язычество отъ напора всей Германской имперіи. Теперь потомки этого воинственнаго племени скрываются въ песчаномъ и болотистомъ захолустьѣ, куда рѣдко заглядываетъ путешественникъ: Поляки и Нѣмцы называютъ ихъ Кашубами; сами они называютъ себя «*Кашеби*» (единств. числ. *Кашеба*), выговаривая *e* за *y*,— а въ нѣкоторыхъ, наиболѣе отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, сохранилось у нихъ древнее народное имя *Словинцевъ*.

Этотъ безвѣстный обломокъ знаменитаго въ старину народа Славянскаго привлекалъ мое любопытство. Я посвятилъ на его изученіе часть лѣта 1856 года. Прежде всего я счелъ долгомъ посѣтить лучшаго, или скорѣе единственнаго знатока Кашубскаго народа и языка, г. Флоріана Цейнову, который,

(1) Нимслѣдующій очеркъ путешествія по Кашубскимъ землямъ, в равно параграфы I-й и X-й этой статьи (этнографическій обзоръ края, населеннаго Померанскими Словинцами и Кашубами и замѣчанія объ особенностяхъ ихъ языка) напечатаны были въ VIII томѣ извѣстій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, стр. 41—56.

Рис. 3. Фрагмент книги А.Ф. Гильфердинга
«Остатки славян на южном берегу Балтийского моря»

Источник: Гильфердинг А.Ф. Остатки славян на Южном берегу Балтийского моря: Этнографический сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ обществомъ. Выпускъ V. СПб., 1862

Figure 3. Fragment of the book by A.F. Gilferding
“Remnants of the Slavs on the southern shore of the Baltic Sea”

Source: Gilferding, A.F. “Remnants of the Slavs on the southern shore of the Baltic Sea.” An ethnographic collection published by the Imperial Russian Geographical Society. Issue V. St. Petersburg, 1862

Рис. 4. Этническая территория и субэтнические группы кашубов
 Источник: Кашубский язык — Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org>
 (дата обращения: 29.11.2023).

Figure 4. Ethnic territory and sub-ethnic groups of Kashubians
 Source: Kashubian language — Wikipedia. 29 Nov. 2023, <https://ru.wikipedia.org>

Несмотря на то, что кашубский язык встречается на относительно небольшой территории, он внутренне разнообразен и разделен на три диалектные зоны: северно-, средне- и южнокашубскую (рис. 5).

В конкретной подгруппе кашубского языка многие фонетические характеристики функционируют по-разному. Обратим внимание на отличную замену праславянской интонационной системы подвижного и музыкального ударения в кашубских говорах. Музыкальное ударение (как и в остальных славянских языках) сменилось динамическим, а подвижность сохранилась в

некоторых из них, например, у северных кашубских диалектов ударение свободное (падает на любой слог) и подвижное (передвигается при словоизменении); у среднекашубских диалектов репрезентативно свободное, но неподвижное ударение; в южнокашубских диалектах ударение инициальное (фиксированное на первый слог) [8; 11. P. 766]. В государственном польском языке акцент тоже фиксированный (но на предпоследний слог).

Рис. 5. Карта кашубских говоров

Источник: Диалекты кашубского языка —
 Википедия Переиздание // WIKI 2. URL: <https://wiki2.org>
 (дата обращения: 29.11.2023).

Figure 5. Map of Kashubian dialects

Source: Dialects of the Kashubian language —
 Wikipedia Reprint // WIKI 2. 29 Nov. 2023, <https://wiki2.org>

Такое сравнение, когда в польском языке и некоторых диалектах ударение фиксируется, а в других диалектах передвигается, указывает на неравномерную эволюцию акцентологической системы лехитских языков. Таким образом, лингвистические исследования северных диалектов кашубского языка с подвижным ударением способствуют реконструкции первоначальному акценту в праславянском языке.

Вторым, уже упомянутым языком-диалектом, употребляемым этнографической группой силезцев на юго-западе Польши, является силезский диалект, который, как польский и кашубский, относится к лехитской подгруппе западнославянской ветви праиндоевропейского периода. В случае силезского диалекта также возникает типовая языковедческая проблема «язык или диалект», связанная с определением статуса силезского как диалектной разновидности польского (польско-чешского) языка [12–14] или как самостоятельного регионального языка [15].

Заключение

Среди множества разновидностей билингвизма для более подробного рассмотрения в статье были отобраны две языковые ситуации, а именно «диглоссия» и её разновидность «внутриязыковая диглоссия».

Как показал анализ словарных дефиниций, они приобретают синонимичные названия и граница между их толкованием выражается недостаточно точно. Рассмотрение теоретического, лексикографического материала и современных взаимосвязей между государственным и этническими языками позволило сделать вывод, что существенным различием между диглоссией и внутриязыковой диглоссией, по нашему мнению, является территориально неограниченное распространение в том числе нестандартных форм национального языка среди носителей для диглоссии и функционирование родственных подсистем национального языка на определенной территории страны для внутриязыковой диглоссии. Это позволило доказать, что лехитские языки, функционирующие на определённой территории Польши, основываясь на учёте генетического родства региональных языков с польским государственным языком, а также лингвистических и этнологических сходств, отражают уникальное сплетение классической формы народного билингвизма — внутриязыковую диглоссию.

Также был сделан вывод, о том, что в условиях, когда лехитская внутриязыковая диглоссия конструируется на стыке государственного языка и регионально-этнических языков, человек владеет государственным языком в большей степени и использует его чаще, поэтому этнические языки, как правило, находятся в более невыгодном положении по сравнению с официальным языком и, как языки, «слабые», они особенно подвержены риску

исчезновения. Тем не менее совместный эволюционный путь лехитских языков обуславливает их типологическую общность. Кроме того, современное функционирование этих языков в речевой культуре их носителей на территории одной страны поддерживает их в качестве языковых подсистем внутри одного социума и поддерживает их жизнеспособность / витальность.

Список литературы

1. Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Факторы типологической комплементарности славянских и тюркских языков в свете системной лингвистики и этнологии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 3. С. 21–30. <http://doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>.
2. Бодуэн де Куртэнэ И.А. О смешанном характере всех языков: избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. Т. 1. С. 362–372.
3. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть первая) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 130–142. <http://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-130-142>.
4. Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <http://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>.
5. Ferguson Ch. Diglossia // Word. 1959. No. 15. P. 325–340.
6. Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М.Г. Лебедько, З.Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.
7. Obracht-Prondzyński C. Kaszubi dzisiaj. Kultura, język, tożsamość. Gdańsk: Wydawnictwo Bernardinum, 2007. С. 16–17.
8. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. 560 с.
9. Скорвид С.С. Кашубский язык // Большая российская энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. Т. 13. С. 417.
10. Stone G. Cassubian // Encyclopedia of the languages of Europe. Oxford: Blackwell, 1998. P. 49–50.
11. Stone G. Cassubian // The Slavonic Languages. London, New York: Routledge, 1993. 766 p.
12. Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1993. 283 s.
13. Miodek J. Fenomen śląskiej gwary Śląsk. 1996. No. 5. S. 52.
14. Słownik gwar śląskich / red. Bogusław Wyderka. Opole: Państwowy Instytut Naukowy. 2016. Т. 15. 392 s.
15. Wicherkiewicz T. Ekspertyza naukowa dra Tomasza Wicherkiewicza. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2008.

References

1. Bakhtikireeva, U.M., Valentinova O.I., and M.A. Rybakov. 2019. The factors of slavic and turkic languages typological complementarity in the light of systemic linguistics and ethnology. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, no. 3, pp. 21–30. <http://doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>.
2. Baudouin de Courtenay, J. 1963. On the mixed nature of all languages: selected works on general linguistics. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, vol. 1, pp. 362–372.

3. Valentinova, O.I., and M.A. Rybakov. 2021. Logic of determinative analysis of agglutinative and inflectional languages (part 1). Polylinguality and transcultural practices, vol. 18, no. 2, pp. 130–142. <http://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-130-142>.
4. Bakhtikireeva, U.M., and O.I. Valentinova. 2022. “Language thinking” from the perspective of systemic linguistics. Russian Journal of Linguistics, vol. 26, no. 1, pp. 224–244. <http://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>.
5. Ferguson, Ch. 1959. Diglossia. Word, no. 15, pp. 325–340.
6. Lebed'ko, M.G., and Z.G. Proshina, eds. 2013. Dictionary of terms of intercultural communication / M.G. Lebedko, and Z.G. Proshina, editors. Moscow: FLINT; Nauka publ., 632 p.
7. Obracht-Prondzyński, C. 2007. Kaszubi dzisiaj. Kultura, język, tożsamość. Gdańsk: Wydawnictwo Bernardinum publ. Print.
8. Trubeckoj, N.S. 1987. Izbrannye trudy po filologii. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
9. Skorvid, S.S. 2009. Kashubian language. The Great Russian Encyclopedia. Moscow: Great Russian Encyclopedia publ., no. 13, p. 417. (In Russ.)
10. Stone, G. 1998. Cassubian. Encyclopedia of the languages of Europe. Oksford: Blackwell publ. Print.
11. Stone, G. 1993. Cassubian. The Slavonic Languages. London, New York: Routledge publ. Print.
12. Dejna, K. 1993. Dialekty polskie. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich publ. Print.
13. Miodek, J. 1996. Fenomen śląskiej gwary Śląsk, no. 5, p. 52.
14. Wyderka, B. 2016. Słownik gwar śląskich. Opole: Państwowy Instytut Naukowy publ. Print.
15. Wicherkiewicz, T. 2008. Ekspertyza naukowa dra Tomasza Wicherkiewicza. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza publ. Print.

Сведения об авторе:

Кобылко Ярослав — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 2 института русского языка, Российский университет дружбы народов. eLIBRARY SPIN-код: 4045-8552; ORCID: 0000-0002-0868-4772; E-mail: kobylko-ya@rudn.ru

Bio note:

Jaroslav Kobylko is a Candidate of Philology, senior lecturer, RUDN University. eLIBRARY SPIN-code: 4045-8552; ORCID: 0000-0002-0868-4772; E-mail: kobylko-ya@rudn.ru